

*Моей матери, Эллен Рейчел,
и для моей дочери, Сильвии Ризы*

Я всегда сожалела о том, что Вашти
по недосмотру историков
исчезла так внезапно...

*Элизабет Кэди Стэнтон.
Женская Библия*

Часть первая

ИЗГНАНИЕ

Б р у к л и н

ЭСФИРЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

— Закрой книжку. Закрой. Вот так. Теперь послушайте. История простая. Давным-давно в Персии царь выгнал царицу. Она не захотела прийти к нему на пир и показаться перед всеми — да еще, говорят, и голой! В общем, разгневался и выгнал царицу или велел казнить. Никто не знает, как было дело. Она просто исчезла. Вашти. Так ее звали. Потом царь опечалился и решил взять другую жену, а для этого созвал юных дев добиваться его расположения. Кто такие девы? Дева — это девушка. Или женщина, незамужняя, скажем так. Ну вот, девы пришли, раскрасив лица, намазавшись ароматными маслами. А царь выбрал ту, что вовсе не старалась ему понравиться... может, только губы слегка подкрасила, или что они там делали в те времена. Эсфирь. А еще она была еврейкой, только об этом никто не знал. Да, очень

хорошенькая. Нет, не как принцесса. Она была сиротой, и о ней заботился дядя, который попал в беду, отказался поклониться царскому советнику, а тот ужасно разозлился и решил убить всех евреев. Потом и вовсе начался кавардак, но это сейчас не важно, да и рассказывают все по-разному... и вообще, я страшно устала от этой книги, давайте ее отложим. Мне нужно передохнуть.

Так вот, новая царица — очень храбрая, она входит к царю без приглашения, а это страшный проступок — помните, что стало с первой царицей, когда та посмела перечить? А Эсфирь идет и просит пощадить ее народ. Тогда царь, который только что готов был убить всех евреев, страшно разозлился на советника и велел его казнить! Ну, и еще он решил, что советник полюбил царицу, вот как папа любит маму, и за это тоже прогневался.

Запутанная какая-то история. Пора расстаться с этой книжкой. С чего только я взяла, что она простая, да и читаем мы ее по два раза на дню целый месяц — сколько можно, хватит уже. Просто запомните: вторая царица, Эсфирь, — героиня. Остальное не имеет значения.

Лили швыряет книжку из детской в коридор. Библейский сюжет, адаптированный для детей, но даже в таком виде его трудно понять — куча «дыр» в сюжете и противоречий. Потом, когда девочки уснут, Лили засунет книжку в контейнер для мусора на переработку, а позже, признав, что с переработ-

кой не выйдет, запихнет в мусорное ведро на кухне. Может быть, к этому времени вернется с работы ее муж. Он заместитель директора по программе помощи Руанде в крупной благотворительной организации. Лили — его вторая жена.

— Завтра, девочки, мама будет учиться шить. — Лили укладывает дочек на их двухъярусной кровати. — Сошью вам карнавальные костюмы на Пурим. Помните? Все одеваются в костюмы и разыгрывают представление, а зрители ругают злого советника и аплодируют Эсфири. Не знаю, что стало с Вашти. В книге не сказано... Ну, ложитесь. Если не хотите быть Эсфирью, скажете мне завтра. Иначе будете играть ее, как остальные девочки. Спокойной ночи, приятных снов. Люблю вас больше всего на свете. Тсс! Закрывайте глазки, и хватит болтать! Спокойной ночи...

В а ш и н г т о н

ПЕРЕД ЦАРСКИМ ПИРОМ

Эта история произошла во время правления Ричарда Никсона, президента пятидесяти штатов, от южных островов Флорида-Кис до Алеутских на севере. На пятый год его президентского срока, когда в Вашингтоне разгорался скандал, закончившийся для первого лица отставкой, всем остальным

слугам народа негласно дозволялись немалые вольности. Атмосфера легкого безумства охватила сонную твердыню столицы — тянуло отвлечься, и аппетит к горячительным напиткам и женскому обществу достиг высот, неслыханных даже для тех лет. Всюду устраивались парадные обеды; скандальчики, интриги и другие безобразия прокатились по домам власть предержащих мужей. Домам с тяжелыми бархатными шторами от пола до потолка, диванами итальянской кожи и роскошными коврами из овчины. С винными бокалами тончайшего стекла и бокалами для напитков покрепче — размером с увесистый кулак. Что же касается спиртного, правило гласило одно: «Пей!»

Одним из таких мужей был Александр Кент, сенатор от штата Род-Айленд. Он закатывал не меньше пяти вечеринок каждый месяц, выставляя на всеобщее обозрение свой дом, жену и безупречный выбор шотландского виски. На пятую вечеринку в том месяце, надолго ставшую последней, сенатор, кроме коллег и инвесторов, с которыми водил дружбу, пригласил и особо важного гостя. Гость этот владел капиталом неясного происхождения, но в Род-Айленде был известен как наследник семейной империи предприятий по производству чемоданов. Сенатор пригласил его побеседовать на щекотливую тему: прошел слух (и только лишь слух, как он надеялся), что на следующих выборах Чемоданник намерен поддержать его оппонента.

А потому для той вечеринки сенатор заказал живую музыку, распорядился включить в меню грешки и моллюски, приготовленные в раковинках, и добавил одну пикантную деталь — вторую вечеринку наверху, только для женщин. Из его объяснений супруге следовало, что это в духе старых традиций и в то же время свежо, консервативно — и в то же время ново, комфортно — и в то же время увлекательно. И позволит сенатору спокойно побеседовать с Чемоданником. Впрочем, кое о чем он жене не рассказал: во времена, когда Кент носил фамилию своего отца, О'Керни из графства Оффали за океаном, будущий сенатор был знаком с женой Чемоданника.

Его жена Ви, урожденная Вивиан Барр, дочь покойного сенатора Барра от штата Массачусетс, внука губернатора Фитча из Коннектикута и правнучка не самой громогласной, но деятельной суфражистки (все родственники, хоть и почтили, внесли свой вклад в оплату расходов на вечеринку), запротестовала — такое разделение не в духе Поправки о правах женщин, которую Род-Айленд ратифицировал год назад, а сенатор Кент поддерживает, согласно его же избирательной программе.

Разумное замечание. Сенатор выдвинул контраргумент в виде массажа ступней супруги — неслыханная редкость, — и Ви сдалась.

И вот в погожий денек второго ноября тысяча девятьсот семьдесят третьего года сенатор Кент, закончив дела государственной важности, вернулся

в дом, кишасший официантами и уборщиками, барменами и флористами, а в глубине, на кухне (в старинных жилищах для знати Джорджтауна кухня располагалась в темной задней части дома), обнаружил жену на четвереньках, вытирающую что-то старым пляжным полотенцем.

То самое полотенце со спиральным красно-бело-синим рисунком, линиярое и потрепанное, но еще по-праздничному яркое, сопровождало их со времен студенческого общежития, где они познакомились. Его не выбрасывали из сентиментальности и до сих пор использовали для всяких грязных дел. Любимое полотенце сенатора. Он наступает на него, коснувшись носком ботинка руки жены.

— Извините, — говорит официантам, скачущим вокруг, будто блохи, и они испаряются.

Сенатор закрывает створчатую дверь на крючок:

— Ну, здравствуй.

Жена медленно поднимает на него взгляд из-под растрепанной челки, вырез блузки распахнут так, что видны очертания бюстгальтера.

И хотя все это — бюстгальтер, полотенце, ее затуманенный взгляд исподлобья — кажется Алексу хитростью, конечная цель которой — соблазнить его, на самом деле Ви едва движется от усталости, навалившейся за день подготовки, дел по списку, указаний и расчистки второго этажа под дамскую вечеринку, которую она и устраивать-то не хотела. Волосы лезут в лицо, потому что Ви не успела при-

АННА СОЛОМОН

нять душ, а распахнутая блузка — вовсе не блузка, как показалось Алексу, а старая растянутая футболка с концерта «Jefferson Airplane», на который Ви ходила с подружками сто лет назад, задолго до того, как у них с мужем все стало серьезно.

— Вставай, — говорит он.

— Мне чуть-чуть осталось.

— Тогда я к тебе.

Она улыбается, догадавшись:

— О нет.

— О да.

— Уже почти пять.

— Я знаю.

— Но гости...

— ...еще не на пороге.

Он опускается рядом и начинает расстегивать ей джинсы:

— Алекс...

— Ви...

— Алекс. — Она переворачивается и отодвигается. — Не надо. Я вчера таблетку забыла.

Он ползет за ней на коленях, смеясь:

— Какую таблетку?

— Ш-ш-ш. — Ви показывает глазами на дверь.

Он ухмыляется и повторяет громким шепотом:

— Какую таблетку?

— Ту самую.

Она ждет, что он встанет, и выйдет, и будет холоден с ней, как когда-то отец с ее матерью, а дед —